

Н. К. ПИКСАНОВ И ИДЕЯ «КУЛЬТУРНОГО ГНЕЗДА»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Л. Насонов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье речь идет о формировании идеи «культурного гнезда», предложенной Н. К. Пиксановым. Под «культурным гнездом» понимается комплекс фактов культуры и истории, характерных для той или иной местности. Показано развитие идей ученого в работах исследователей. Отмечена значимость изучения соотношения культурных центра и периферии в современном литературоведении.

Ключевые слова: Н. К. Пиксанов, «культурное гнездо», культура провинции.

Abstract: the article deals with the formation of the idea of a «cultural nest» proposed by N. K. Pksanov. Under the «cultural nest» refers to a set of facts of culture and history, characteristic of a particular locality. The development of the scientist's ideas in the work of researchers is shown. The importance of studying the relationship between the cultural center and the periphery in modern literary criticism is noted.

Keywords: N. K. Pksanov, «cultural nest», provincial culture.

В современной филологической науке есть ряд терминов, имеющих сложившуюся научную репутацию и нашедших широкое применение, но все еще нуждающихся в пояснении и уточнении смыслового наполнения. Среди них — термин «культурное гнездо».

Понятие «культурное гнездо» было предложено в 1913 году. Его разработал Николай Кириякович Пиксанов (1878–1969), русский и советский литературовед, член РБО, член-корреспондент АН СССР. В его трудах «Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская» (1913) [1] и «Два века русской литературы» (1923) [2] содержится описание региональных духовных центров, сформировавшихся под влиянием двух столиц России — Москвы и Петербурга. Осознавая специфику московского и петербургского культурных сюжетов, ученый отметил циклический характер их влияния на культуру провинции, «чередование, своеобразный ритм двух этих культур» [2]. Стоит отметить, что Пиксанов не дал системную характеристику локальных текстов российских столиц, интересуясь лишь причинами временного «возвышения» одного текста над другим.

Позже понятие «столичная литература» в интерпретации Пиксанова нередко совпадало с понятием «общерусская культура и литература». Возможно, так происходило под влиянием идей нового, советского периода, когда исследователь «подчинился централистским тенденциям». Отсюда, например, следующее высказывание: «Областной принцип изучения имеет известное значение для установления сти-

левых особенностей творчества писателя. Так, у сибирских поэтов и писателей при всем их классовом родстве с писателями центральной части Союза ССР все-таки легко обнаруживается существование специальных особенностей — своеобразных диалектизмов, образов и т.д. Игнорировать это — значило бы забывать тот принцип конкретности, который должен соблюдаться в литературном анализе. Свое значение анализ областных особенностей творчества сохраняет и для изучения его социальной функции» [3].

В своём же первом труде (1913 г.) Пиксанов выделял Северо-русский культурный центр, Ярославское культурное гнездо (вторая половина XVIII в.), Харьковское культурное гнездо Александровской эпохи, Казанское культурное гнездо (начало XIX в.), Нижегородское культурное гнездо (времен Н. Ф. Анненского и В. Г. Короленко), Саратовское культурное гнездо (первая половина XIX в.) и Самарское культурное гнездо (90-х годов XIX в.). Таким образом, Пиксанов предлагал ученым изучать «провинцию», поскольку считал, что у нее есть собственная культурная специфика, сформированная как по принципу следования культурным ориентирам столиц, так и отталкивания от них.

В русской литературе провинция традиционно изображалась консервативной, закрытой и излишне старомодной: «...но крестьяне такой перемены ни за что не захотели и крепко стояли за свою «ковырялку» и за бороны с деревянными клещами. <...> И деды наши не жили в камени, и мы не станем» [4, 72]. Было закреплено представление о провинции как вторичном культурном пространстве, не имеющем своей культурной динамики. В то же время сама

провинция стремилась доказывать обратное, имея своих провинциальных «местных героев», свою литературу и моду, в том числе и на идеи.

Конечно, Н. К. Пиксанов, как филолог, стремился, прежде всего, к изучению литературной деятельности «культурных гнезд», но его современники и последователи считали, что понятие «культурное гнездо» следует расширить и распространить и на другие сферы духовной культуры.

Так, известный историк-энциклопедист И. М. Гревс высказал своё мнение: «Внимательное и беспристрастное изучение переданного культурным гнездом наследия даст понять, что в нем живут начала, подготовившие новое, и в следах его хранятся блага, ещё не использованные» [5, 502–503].

Идеи Пиксанова о культурных гнездах были в дальнейшем широко востребованы филологами, культурологами, краеведами. Среди наиболее значимых — выделение им двух культурных координат — Центра и Периферии, за которым закреплены условные противопоставленные характеристики: творчество — косность; динамика — статика; инновационность — традиционность. Значимо, что Пиксанов осознавал связь этих культурных полей: «В движениях и поворотах «русской», т.е. общерусской, столичной литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд» [6, 14–18], а также усматривал неразрывную связь между литературой как частью культуры и историей: «Та централизация, которая так заметна в политической русской истории, сказалась и на истории русского искусства и русской литературы, больше того, она обнаружилась и в русской исторической мысли» [6, 14–18].

Исследователь полагал, что необходимо выделять специфические «территориально-культурные образования (гнезда)», развивающиеся по своему культурному вектору и имеющие собственную историю.

С некоторыми оговорками и поправкой на новую, советскую эпоху идеи Пиксанова были поддержаны П. Н. Сакулиным (идеологом синтетического построения истории русской литературы): «Вполне принимая идею литературных гнезд, я должен, однако, подчеркнуть, что по отношению к новому периоду областной принцип не может иметь того значения, какое принадлежит ему в древний период. Во-первых, по мере приближения к нашему времени... областной принцип идет на убыль и его значение обратно пропорционально росту культуры. Во-вторых, если областные культурные гнезда отражают на себе местные особенности и, следовательно, могут иметь более или менее самобытные черты, то нельзя забывать и того, что большей частью они представляют преломление общерусской культуры в местных условиях и, стало быть, значение областных гнезд становится уже производным»

[7, 40]. Из высказывания Сакулина следует, что понятие «гнездо» после эпохи Пиксанова выходит из краеведческого лексического обихода, заменяясь понятием «область». Такая замена, как нам кажется, отчасти приводит к утрате смысла, вложенного в него Пиксановым, ибо «область» означает, прежде всего, объединение территориального, а уж затем культурного и исторического характера.

В период построения новой страны, особенно в 1920-х годах, историко-культурные методы в краеведении лишь начинали развиваться. Так, при Российской Академии наук было создано Центральное бюро краеведения, под эгидой которого стали издаваться научные статьи и доклады, посвященные методам изучения истории отдельных регионов. Среди этих трудов необходимо обратить внимание на работы М. М. Богословского [8], Н. П. Анциферова [9], В. В. Богданова [10] и С. В. Бахрушина [11]. В них, несмотря на разную лексическую закрепленность, происходило осмысление феномена культуры провинций.

Например, Н. П. Анциферов создал поэтический образ, — «гений места» [9]. Это, по сути, образ локального начала в истории культуры, которое он почерпнул из античной мифологии. Анциферов использовал этот образ, характеризуя некоторые культурные различия, проявляющиеся между Москвой и Петербургом

М. М. Богословский имеет несколько другое видение «культурного гнезда». Он исследует гнезда как бы из центра, т.е. он наблюдает лишь те моменты истории периферий, которые, по его словам, вливаются в общерусский исторический процесс, «как большая река образуется из соединения отдельных небольших потоков» [8, 119]. Богословский обращает внимание на то, что провинция связана с центром. Он считает центр главным, полагая, что все события, происходящие на периферии, являются лишь отражением центра или подражанием ему. Впрочем, этим Богословский подтверждает, что существует закономерность культурного развития центра и периферии.

С. В. Бахрушин в статье «Задачи исторического изучения края» также размышлял в поле концепции «культурных гнезд» [11]. Свои выводы он выстроил на тех же положениях, что и М. М. Богословский, метафорически подчеркивая, что с «птичьего полета» нельзя описать историю.

В дальнейшем литературно-краеведческие идеи получили прикладной характер, имена Пиксанова, Анциферова и многих других исследователей были забыты. Их возвращение произошло только в литературоведении новейшей эпохи. Вспомним в этой связи конференции, посвященные наследию Н. П. Анциферова, регулярно организуемые ИМЛИ РАН, изучение «провинциальных текстов», проводимое Н. И. Меднис [12], В. В. Абашевым [13], воронежскими [14–18] и др. исследователями.

С нашей точки зрения, изучение и теоретическое осмысление культуры провинции чрезвычайно важно. Тем не менее мы хотели бы предостеречь как от смысловых перекосов в сторону Центра, так и от излишней апологетики периферии.

Провинциальная культура всегда развивается неравномерно, причем не только потому, что так развивается культура вообще. «История сплошных успехов» возможна, скорее, в центре, потому что центр постоянно вбирает в себя, «высасывает» из провинции всё самое лучшее. Метод локального описания истории и культуры, направленности которого задана Пиксановым, заставляет сосредоточиться на изучении уникальных явлений культуры, характеризующих конкретную провинцию.

Провинциальную культуру необходимо изучать в согласованности ее элементов, а также в связи с историей места, диалектически рассматривая при этом влияние на провинцию культурного центра. При этом нельзя забывать, что провинция может являться центром для других, более локальных культурных провинций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиксанов Н. К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская / Н. К. Пиксанов. — СПб.: Тип. им. М. А. Александрова, 1913. — 47 с.
2. Пиксанов Н. К. Два века русской литературы / Н. К. Пиксанов. — М.-Петроград: Государственное изд-во, 1923. — 208 с.
3. Пиксанов Н. К. Областные литературы, литературное областничество: Историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов: М.-Л.-д, 1928. — 148 с.
4. Лесков Н. С. Собрание сочинений в пяти томах / Н. С. Лесков. — Том V. — М.: Изд-во Правда, 1981.
5. Гревс И. М. Очередные задачи краевого краеведения / И. М. Гревс // Краеведение. — Т.V. — 1928. — № 6. — С. 368–376.
6. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинар / Н. К. Пиксанов. — М.; Л.: ГИЗ, 1928. — 148 с.
7. Сакулин П. Н. Синтетическое построение литературы / П. Н. Сакулин. — М.: Мир, 1925. — 118 с.
8. Богословский М. М. Областная история России, её научное обоснование и современные задачи / М. М. Богословский // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. — Н. Новгород: Нижполиграф, 1923. — С. 118–124.
9. Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов. — СПб.: Лениздат, 1991.
10. Богданов В. В. Культурно-исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов / В. В. Богданов // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. — Н. Новгород: Нижполиграф, 1923. — С. 125–132.
11. Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края / С. В. Бахрушин // Задачи исторического изучения края. — Краеведение. — М.: 1928. — Т. 5. — № 3. — С. 129–140.
12. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. — Новосибирск: НГПУ, 2003. — 170 с.
13. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.
14. «В краю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: Материалы Всероссийской научной конференции / Воронежский государственный университет. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. — 340 с.
15. «Воронежский текст» русской культуры: сборник статей. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 319 с.
16. «Воронежский текст» русской культуры: Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сборник статей. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — 249 с.
17. «Воронежский текст» русской культуры: Страницы истории и современность. Вып. 3. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — 201 с.
18. «Воронежский текст» русской культуры: Детская литература и (не) детское чтение. Сб. науч. статей. — Воронеж: НАУКА — ЮНИПРЕСС, 2019. — 306 с.

Воронежский государственный университет

*Насонов А. Л., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: redaktor36@yandex.ru*

Voronezh State University

*Nasonov A. L., postgraduate student of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, theory of literature and humanities
E-mail: redaktor36@yandex.ru*